

МИР ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова к 80-летию со дня рождения известного общественного и государственного деятеля, поэта, публициста, ученого-лингвиста Олжаса Сулейменова издал сборник статей, рецензий, откликов и предисловий к книгам О. Сулейменова и интервью с поэтом. «Мир Олжаса Сулейменова» продолжает серию «Международные связи казахской литературы», авторы статей раскрывают картину восприятия его творчества в Германии, Польше, Монголии, США, Франции и в Республике Корея.

Сборник «Мир Олжаса Сулейменова» стал итогом активизирующегося международного научного сотрудничества Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МОН РК с литературоведами, критиками, культурологами, издателями стран мира. Многие из авторов статей, вошедших в данное издание – Леонард Кошут, Бернар Шамбаз, Реми Дор, Альбер Фишлер, Ким Бён Хак, Рафис Абазов посетили Институт (и не раз), стали нашими добрыми друзьями. Большинство статей зарубежных коллег, публикуемых в сборнике, на русском языке издается впервые. Многогранно раскрыта общественная и политическая деятельность О. Сулейменова, своеобразие его поэтического мира, отличительные черты публицистики, характерные особенности стиля и поэтики.

Наибольший резонанс творчество О. Сулейменова получило во Франции в рецензиях и статьях Лили Дени, Анн Филип, Леона Робеля, Пьера Гамарра, Лионеля Рей, Алена Боске, Кристиан Муз, Франсуа Сальвэна, Фредерик Диа, Реми Дора, Бернара Шамбаза, Альбера Фишлера. Поэтическое слово О. Сулейменова является связующим звеном для человечества. Исследователей привлекают широта его научных и литературных интересов, уникальное космическое видение современных проблем культуры и общества.

Определяя место О. Сулейменова в мировом литературном пространстве, ученые Германии, Монголии, Республики Корея и Польши особо акцентируют внимание на великолепном знании писателем-интеллектуалом мировой культуры. В Германии всесторонне исследует его поэзию известный прозаик, издатель, переводчик Леонард Кошут. В Монголии издана книга О. Сулейменова «Аргамак» с предисловием поэта, драматурга, переводчика Жагдалына Лхагвы. Профессионально

о восприятии произведений казахского поэта пишут профессор Варшавского университета, теоретик и критик литературы Евгениуш Чаплевич и поэт, эссеист, переводчик с корейского языка Ким Бён Хак. Они раскрывают метафоры, мотивы, ассоциации поэтического творчества О. Сулейменова, космическое видение культурных процессов, восприятие истории через Слово, анализируют высокий и сложный слог поэта, его философские воззрения, фольклорные образы и мотивы.

Американская рецепция книг О. Сулейменова представлена обстоятельными научными статьями специалистов в области культурологии, компаративистики, славяноведения и современных литератур докторов PhD Рафиса Абазова (Колумбийский университет), Харша Рам (Йельский университет) и Наоми Каффи (Университет Калифорнии). Проанализированы поэтическая метафора и политическая аллегория, поэтика и идеология книги «Аз и Я», выявлено объединение литературных жанров и научных дисциплин, продолжение идей лингвиста Марра и поэта Хлебникова в творчестве О. Сулейменова.

Литературовед, литературный критик, издатель, писатель, переводчик, эссеист, специалист по Маяковскому и Есенину, большой друг казахской литературы Леонард Кошут написал уникальное исследование о творчестве О. Сулейменова, в котором не только знакомит зарубежных читателей с произведениями поэта (статья впервые переведена с немецкого языка А. Машаковой), но и включает сведения о том, когда на немецком языке были изданы книги казахских писателей. Неоценим личный вклад Л. Кошута в издание «Vokl und Welt» на немецком языке книг М. О. Ауэзова, А. Кекилбаева, М. Симашко, А. Алимжанова, С. Санбаева, О. Сулейменова, Д. Досжана и т.д. Высоко ценит Л. Кошут прозу Ю. Рытхэу и А. Кима.

В первую нашу встречу 8 мая 2003 года (познакомил нас Г.К. Бельгер, Л. Кошут был награжден премией Казахстанского Пен-клуба) мы обменялись книгами. Л. Кошут презентовал нам в отдел свою – об издательстве «Vokl und Welt», с которым связано более тридцати лет его жизни, с автографом на визитной карточке, а с собой в Берлин увез монографию автора этих строк о Ф.М. Достоевском. Следующая встреча состоялась в новогоднем Берлине 2008 года, в уютной квартире наших друзей Леонарда и Шарлотты Кошут. Благодаря их высокому профессионализму по-немецки заговорили М. Лермонтов, С. Есенин, В. Маяковский, Ч. Айтматов и многие, многие поэты и писатели. Под руководством Л. Кошута в издательстве «Vokl und Welt» были переведены на немецкий язык и изданы книги почти ста авторов 23-х народов бывшего СССР, не считая национальных и многонациональных антологий. Издательская деятельность подарила ему дружбу с писателями, поэтами, редакторами, издателями во всех республиках СССР.

«С удовлетворением я воспринял, как правильно мы в издательстве «Vokl und Welt» поступали, посвящая такое внимание казахской литературе. И как будто закономерно произошло творческое содействие Посольства суверенного Казахстана со мной. Моя и Шарлотты дружба со многими казахстанскими авторами выстояла общественные изменения и в Казахстане, и в Германии. Учреждение «Kasachische Bibliothek» в переводах на немецкий язык открыло издания из ГДР для новых читателей в ФРГ, открыло дорогу для новых переводов. Шарлотта была редактором целого ряда романов Абдижамила Нурпеисова, и именно его роман «Долг» стал первым изданием Библиотеки. Закономерно, что Кристиане Лихтенфельд, переводчица Абиша Кекилбаева еще для «Vokl und Welt» и давний кандидат для перевода «Дома скитальца» Герольда Бельгера, вошла в актив поддерживающих

Библиотеку. Я счастлив, что я – «подготовленный» эпопеей Мухтара Ауэзова об Абае – овладел поэтическим переводом его стихотворений для самостоятельного издания в Библиотеке. Расширился круг участвующих издательств. «Дагиели» своим изданием Олжаса Сулейменова вступил в соревнование с моим изданием 1981-го года. Кроме издательств «Енель» (Абай) и «Дагиели» (Нурпеисов) взялся за издания казахстанской литературы «Ганс Шилер». Вышли переиздания «Лихой години» М.О. Ауэзова и «Абая» (первый том), «Исповеди степей» Т. Ахтанова, а недавно впервые трилогии И. Есенберлина «Кочевники». А еще названия вне Библиотеки – В. Михайлова и других», – пишет в одном из писем из Берлина Л. Кошут.

Среди участников Международных симпозиумов в Москве, Баку, Минске, Санкт-Петербурге, как только начинаешь говорить о впервые переведенных Л. Кошутом двадцати стихотворениях Абая на немецкий язык, об удивительной книге «Abai. Zwanzig Gedichte», увидевшей свет в серии «Kasachische Bibliothek» в издательстве «Oenel Verlag», о его исследованиях казахской литературы, обязательно встретишь литературоведов, высоко оценивающих вклад Л. и Ш. Кошут в пропаганду достижений художественной мысли. Главный редактор журнала «Дружба народов» А. Эбаноидзе, главный редактор «Литературной газеты» Ю. Поляков, известный прозаик, переводчик А. Ким живо интересуются творческими планами и новыми книгами Л. Кошута, что вновь и вновь подтверждает мысль о том, что наши литературы не могут развиваться изолированно.

О литературной дружбе между народами, которую пронесли через всю жизнь, говорил в Москве на презентации литературного альманаха «Казахстан – Россия» в ноябре 2015 года О. Сулейменов, особо подчеркнувший тот факт, что «мы должны осознать необходимость возрождения литературных связей».

Активным участником реализуемых Институтом проектов по международному сотрудничеству стал директор Программы MDP/Global Classroom (Институт Земли при Колумбийском университете, США) Рафис Абазов. Научными сотрудниками отдела аналитики и внешних литературных связей Института подготовлены для двух впервые изданных на английском языке антологий казахской литературы «The Stories of the Great Steppe» и «Summer Evening, Prairie Night, Land of Golden Wheat. The Outside World in Kazakh Literature» поэтические и прозаические произведения отечественных авторов. Книги изданы в тесном сотрудничестве с Посольством Республики Казахстан в США, Министерством образования и науки и лично – Р. Абазовым, автором книг «Культура и обычаи в Центрально-Азиатских республиках», «Зеленая пустыня: жизнь и поэзия Олжаса Сулейменова» и др. Определяя место О. Сулейменова в евразийском и мировом литературном пространстве, Р. Абазов особо акцентирует внимание на великолепном знании «писателем-интеллектуалом» национальной, региональной и мировой культуры, характеризует поэта как «великого писателя, тонко подмечающего детали, любящего жизнь, имеющего свой характерный и совершенно локализованный стиль письма».

Более двадцати лет живет и работает в Алматы юрист по образованию, корреспондент газеты «Коре ильбо» и директор Корейского культурного центра в Казахстане, поэт и переводчик Ким Бён Хак. Автору поэтического сборника «Поднимаясь к вечной горе» и сборнику эссе «Среди корейцев Казахстана», составителю двухтомника «Забывтые корейские песни» принадлежат переводы на корейский язык поэзии С. Есенина, Р. Гамзатова, К. Симонова. Благодаря его активному стремлению сблизить корейский и казахский народы впервые, в истории казахско-

корейских литературных связей поэзия Абая переведена на корейский язык.

Книга «Абай. Песни золотой юрты» включает 100 стихотворений выдающегося поэта, мыслителя, его биографию и краткие комментарии Ким Бён Хака. «100 у корейцев – сакральное число, поэтому выбор именно ста стихотворений не случаен», – рассказал сотрудникам отдела аналитики и внешних литературных связей Института, презентуя строго оформленную иллюстрациями художника Е. Сидоркина книгу, Ким Бён Хак. Он прекрасно понимал, приступая к работе над книгой, что не возможно в полной мере передать всю красоту и своеобразие поэтического мастерства поэта, учитывая и особенности казахского языка, и систему стихосложения, для этого нужно читать Абая в оригинале. Автором подстрочных переводов Абая для книги «Абай. Тандамалы өлендер» выступил поэт, переводчик К. Бакбергенов.

Ким Бён Хак, по его признанию, ревностно изучая поэзию Абая, необыкновенно чутко отнесся к подстрочному переводу, что проявилось в постижении содержания, воссоздании образов в переводе, передаче чувств, мыслей, стиля, идеи произведений. Ким Бён Хак буквально выверял каждое стихотворение с автором подстрочного перевода, вчитывался в текст, стремясь познать необозримое богатство красок и оттенков, усвоить звучание и ритм стихотворений Абая. Обращаясь к читателям Республики Корея, переводчик надеется, что они ясно и глубоко представят кочевую культуру Центральной Азии и традиции казахского народа. В итоге – расширится круг читателей поэзии Абая за рубежом и постижение уникальной культуры кочевников.

Литературный критик Джонг Санг Джин, участник Второй мировой войны называет Абая не только великим поэтом степи, но и выдающимся мировым поэтом и мыслителем, поэзия которого стала неисчерпаемым вдохновением. Джонг Санг Джин подчеркивает такую важную составляющую успеха переводов Абая на корейский язык: «замечательный поэт Ким Бён Хак полюбил литературу и культуру казахской степи».

В одну из последующих встреч Ким Бён Хак рассказал о своей работе по переводу на корейский язык произведений девяти казахстанских поэтов «Перелистывая степные страницы» (составитель книги Станислав Ли). В книгу вошли 122 стихотворения современных казахстанских русскоязычных поэтов. Корейским читателям впервые представлена поэзия О. Сулейменова, Е. Курдакова, В. Михайлова, Б. Канапьянова, Н. Черновой, А. Шмидта, К. Бакбергенова, Б. Каирбекова, С. Ли. Книга по результатам конкурса Министерства культуры, туризма и спорта Республики Корея из 85-ти книг разной тематики стала «Книгой года – 2011».

Мы благодарны Ким Бён Хаку за то, что для нашего сборника «Мир Олжаса Сулейменова» он специально переработал содержание статьи, посвященной русскоязычным поэтам Казахстана из поэтического сборника «Перелистывая степные страницы», сделав акцент на изучение творчества О. Сулейменова. Статья Ким Бён Хака «Мечты и надежды поэтов бескрайней степи» публикуется на русском языке впервые. Перевод с корейского языка осуществил К.Югай.

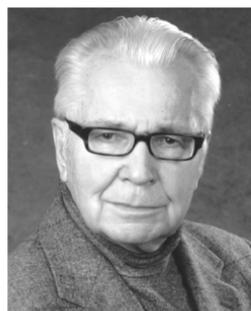
Автор публикуемой в сборнике «Мир Олжаса Сулейменова» статьи искренне уверен в том, что «память общества, хранящая прошлое, объединяет под одной крышей людей, близких по духу, активно творящих и шагающих навстречу будущему. Казахстан ждет своих поэтов, способных переосмыслить прошлое и, как в зеркале, ярко осветить степь отраженными от него лучами. ... Одним из тех, кто одновременно ценит и память, и совесть, является поэт Олжас Сулейменов».

Как возникает Слово? Об этом размышляет в своих книгах-исследованиях О. Сулейменов постоянно, ибо уверен, что каждое слово и жест имеют свой код секретности: «У слова устного есть, пока неочтенные наукой, преимущества перед письменным документом. Оно не сгорит, не отсыреет. Его нельзя отредактировать, переписать в угоду Храму и Дворцу. Оно не стареет. Этнос может сойти с исторической арены, исчезнуть. Но слова его сохраняются в других языках...» Поэт призывает научиться читать слово и придавать ему особое значение как основному свидетельству доисторического прошлого.

Восприятие творчества О. Сулейменова в странах мира находится под воздействием сложного комплекса художественно-поэтических, этнокультурных, исторических, философских, социологических, психолингвистических, идеологических факторов современности, убедительно демонстрируя узнаваемость казахской литературы в мире.

Светлана АНАНЬЕВА

Леонард
Кошут

ВОЗВЫСИТЬ СТЕПЬ, НЕ УНИЖАЯ ГОРЫ

О НАЧАЛЕ «ВТОРОГО ВЕЛИКОГО ВЕКА»

В стихотворениях 1978-го года, включенных в данную книгу (О. Sulejmenow. In Azimut der Nomaden. Berlin, 1981. – *прим. сост.*), отражается глубина мировоззрения поэта, опыт в литературе и изменение представлений о мире. Олжас Сулейменов предстает другим поэтом, не таким, каким мы его знали по поэзии 1961 года. Поэма «Земля, поклонись человеку», несущая в себе юношеско-романтическое настроение прорыва, прагматично наметила направление дальнейшего пути. С самого начала становится очевидным, что казах, пишущий на русском языке, является интернациональным поэтом нашего мира.

Поэма вышла в свет в 1961 году после полета Юрия Гагарина в космос – первого в истории человечества полета вокруг Земли на космическом корабле «Восток». По свидетельству самого поэта, отпечатанный текст поэмы в виде листовок сбрасывался с самолета над Алма-Атой.

Такому великому событию – началу завоевания космоса – Сулейменов пытается придать универсальный масштаб, называя «Вторым Великим Веком», изображая через призму искусства и обобщая в историческом, общественном и философском контекстах. Поэт встраивает грандиозное событие в пространственные и временные рамки нового, космического видения:

Помнишь, так навсегда уходили в разведку
 Ранним утром,
 При свете погашенных звезд,
 А за нами в окопах молчала страна,
 Затаившись в предчувствии наступленья.

Символическое название космического корабля становится центральной метафорой, вокруг которой возникает ассоциативный ряд, выстраивающий впоследствии цепь разных ассоциаций. «Восток» – это космический корабль, но он обозначает и старую Русь, и, прежде всего, Центральную Азию (Восток), где в течение столетий происходили исторические изменения («продолжением Маркса явилась для нас арифметика» и «со скоростью света земную прорезали тьму ... от лаптей – до скафандров»). Автор показывает в сопоставлении с Востоком политико-географические размеры («Запад – внизу, сверху – «Восток») и предлагает устранение в будущем радикальных противопоставлений.

Нет Востока, и Запада нет ...
 Есть Восход и закат,
 есть большое слово – ЗЕМЛЯ!

От темы преодоления первым космическим кораблем притяжения земли Сулейменов переходит к преодолению «силы притяжения» прошлых столетий на Земле, о революции как синониме слова «жизнь». И хотя в поэме идентификация человеческих страданий и боли имеет отношение к дореволюционному периоду («а какими лишениями люди платили за выход»), им уже обозначен переход к углублению трагического взгляда на мир в дальнейшем творчестве. Призыв Сулейменова «Земля, поклонись человеку!» выбит на обелиске, поставленном на месте трагической гибели Юрия Гагарина и Владимира Серёгина в 1968 году.

СЛОВО – ОТРАЖЕНИЕ ПОСТУПКОВ

О.Сулейменов, 1936 года рождения, геолог по образованию (1955-1959), участвовал в разведке месторождений нефти и природного газа. Учился в Москве в Литературном институте на переводческом факультете (1959-1961), посещал семинар о знаменитой древнерусской летописи XII века «Слово о полку Игореве».

«Слова – медный блик человеческого поступка», – написал поэт в стихотворении «Он бормочет стихи...» (1963).

Повторятся в словах
 И глоток,
 И удар,
 И улыбка,
 Стук копыт через век ...

Таким образом, Сулейменов заявляет о своем восприятии истории через слово и, в то же время, благодаря слову, он выступает в качестве свидетеля истории. Последнее касается, прежде всего, его филологических исследований «Слова о

полку Игореве», представленных в первой части поэтико-лингвистической книги «Аз и Я» (1975 г., отдельные главы предварительно публиковались с 1962 г.), которая вызвала сенсацию. Одни восславляли ее, другие критиковали.

Как тюркоязычный автор, с детства знающий два языка, Сулейменов приводит новые ставшие предметом спора доказательства исторической достоверности литературной хроники, он делает ошеломляющие филологические открытия (или строит располагающие к себе, но спорные гипотезы). На основе этих исследований он выстраивает новую картину отношений между половцами (исчезнувшим тюркским народом) и восточными славянами (киевскими славянами), потерпевшими поражение во время похода на степь.

Во второй части книги поэт срывает темный ярлык отсутствия исторических сведений с культуры кочевых обитателей степи – скифов. Этому послужили результаты исследования шумерско-тюркских контактов, сравнительных филологических и культурно-исторических обобщений (на материале не только обширной источниковедческой литературы, но и археологических раскопок). Книга написана убедительно и поэтически вдохновенно.

Критические замечания ученых по поводу ошибочных концепций и опростраченных выводов – при неоспоримом значении поднятых вопросов – вынудили Сулейменова признать, что «Аз и Я» означает «Азия», если воспринимать название как одно слово, но если рассматривать по частям: Аз – на старославянском языке «я», и – союз «и» в современном русском языке, Я – местоимение «я» в современном русском языке.

Сулейменов часто ссылается на Велимира Хлебникова, когда пишет об исторически-временной дистанции, национальном происхождении поэтически-философской независимости. Было бы недостаточно говорить об особом интересе, который проявляет О.Сулейменов к культурам Азии и Африки. «Пуп земли», как назвал себя Хлебников, еще более родственен Сулейменову, благодаря враждебному отношению к эгоцентризму и признанию своей принадлежности к единой культуре всего человечества, будущего единения исторических путей всех народов.

ВЫСОКАЯ ИЗМЕНА

Интернационализм Олжаса Сулейменова органично вырос из его исторических концепций и обусловлен тесной связью с историей национального самосознания. Вновь и вновь он подтверждает, что в настоящем заключено прошлое казахского народа и, наоборот, ищет в прошлом ростки будущего.

«История наша – несколько вспышек в ночной степи. ... Города возникали, как вызов плоской природе, и гибли в одиночку». Таков эпитафия к стихотворению «Чем порадовать сердце?» (1963 г.).

Уже в этом стихотворении, где Сулейменов переносится на 10 столетий назад и видит себя певцом в войнах Чингисхана, звучит мотив, который шесть лет спустя станет центральным мотивом поэмы «Глиняная книга»: «Высокая измена», исторически преждевременный и потому караемый смертью разрыв с таким понятием как «вражда народов». Не случайно мы находим в стихотворении «Чем порадовать сердце?» сопоставление с Пушкиным, «внуком Африки и сыном голубоглазой женщины!», на совершенно другом материале, идеальное родство с новеллой,

которая сделала казахского прозаика А. Кекилбаева известным за рубежом. Новелла называется «Баллада забытых времен» (издана в ГДР в 1972 году).

Обретение национального исторического самосознания, выраженного, к примеру, в стихотворении «Раскопки в зоне Шардаринского водохранилища» (1963):

Радость захоронена в степях, может, глубоко,
... и познаем себя по закону сохранения радости!

станет предпосылкой критического взгляда на собственную историю. В более позднем стихотворении «Это кажется мне» он обращается к легендарному поэту и революционеру Махамбету, знакомому нам по роману А. Алимжанова «Стрела Махамбета» (издан в ГДР в 1971 г.).

Махамбет, как стрела
в китайской стене, ...
грозный мой Махамбет,
ты давно – персонаж в оперетте.

Сулейменов поэтически освещает вопросы национальной истории Казахстана и Центральной Азии (во времена кочевников и в период Российской империи). Вспомним раннюю попытку Мухтара Ауэзова поставить эти вопросы в повести «Лихая година». Повесть издана в ГДР в 1974 году (прим. – Л.К.). О. Сулейменов посвящает этим проблемам свою деятельность, будучи членом Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки и официальным представителем ЮНЕСКО по вопросам исследования Центральной Азии.

Но, благодаря здравому восприятию исторических процессов, поэт видит всё – угрозы и интересы – в аспекте человеческой и исторической общности. В стихотворении «Минута молчания на краю света» (1968) О. Сулейменов ассоциирует убийцу Махатмы Ганди в Индии с убийцей Мартина Лютера Кинга в США:

Белый стреляет в черного?
Серый стреляет.
Черный стреляет в белого?
Серый стреляет.

В стихотворении «Черное и красное», раскрывая тему антифашистского Бреста и происхождения фашизма, поэт словно натягивает тетиву лука, возвращаясь в древний Рим, этимологически прослеживая движение истории: «Где же я нахожусь, я стою в тех (брестских) катакомбах».

МИР И ТЕБЕ!

«Сотворенный Семиречьем крови» – в этой оригинальной метафоре Сулейменова кристаллизируются четыре вариации поэта на тему Ленина. Поэма «От января до апреля» состоит из нескольких частей, каждая из которых может восприниматься как самостоятельное стихотворение. Они все привязаны к настоя-

щему времени и посвящены Ленину не как отдельному лицу. Ленин появляется только в последней части поэмы и, как будто случайно, и в буквальном смысле слова его образ воспроизведен на картине:

Какой-то доморощенный Саркисов
хохочущей изобразил Каплан.
А рядом –
эскиз Андреева «Смеющийся Ильич».

Философско-поэтический успех Сулейменова заключен в том, что вся поэма ненавязчиво и убедительно подчинена идее преодоления причин новых страданий человечества на пути, указанном Лениным.

«От января до апреля». В заглавии и в самой структуре поэмы мы видим, что она имеет отношение к дням его смерти и рождения (который он не успел отметить), но, прежде всего, конечно, ко дню рождения.

В этой поэме Сулейменов рассчитывает на ассоциативные со-раздумья читателя. Горькие ноты еврейской песни эпохи гетто возрождают не только картины фашистского концлагеря Панеряй в Литве и побега из египетского плена. Эта песня несёт в себе боль, чаяния и надежды всех народов. Чествование Чингисхана в Китае (завоеватель Китая и Средней Азии получил дополнительно китайское гражданство!) должно вызывать иные чувства, чувства, направленные против бессмысленной резни и стремления к власти.

Выражая солидарность с русскими поэтами XX века, которые творили под псевдонимами Бедный, Скиталец, Горький, Чёрный, Белый, О.Сулейменов выступает против национальной нетерпимости и меняет имя Шолома Алейхема на «Мир и тебе».

Поэма «От января до апреля», утяжеленная метафорами и ассоциациями, имеет, на наш взгляд, многочисленные способы интерпретации. Обладая богатством мыслей, умением находить неожиданную взаимосвязь, знающий силу слова и чувств Сулейменов предстает в поэме интернационалистом высокого поэтического ранга.

КРУЖИСЬ, АЙНАЛАЙН

«Это может показаться парадоксальным, – пишет в 1965 году казахский критик Мухамеджан Каратаев, – но в написанных русским языком стихах Олжаса Сулейменова заключено больше того национального казахского, что выражает уникальность социалистической казахской нации, чем в сочинениях многих других поэтов, пишущих на казахском языке». Но каким образом оно выражается, когда мы переводим казахский словарный запас на русский или другие языки, в первую очередь – внешне? М.М. Ауэзов, известный читателям ГДР как автор Предисловия к антологии казахских рассказов «Белая Аруана» (1979), в специальном исследовании объясняет национальное своеобразие Сулейменова особым взглядом поэта на мир, тем, что поэт черпает вдохновение из традиций кочевников.

Особое значение приобретает в избранном аспекте элемент круга (круглая степь, небесный круг, круглая юрта). Этот элемент встречается в самых разных обликах и выражениях, начиная с «Айналайн», в магическом значении продол-

жающий жить как «Кружись, айналайн, Земля моя!» (в первоначальном значении это выражение означает готовность к самопожертвованию, символический ритуал, когда ребенок, учась ходить, перешагивает за круг), и заканчивая метафорой Оракула в «Глиняной книге»: «Земля – это круг, перечеркнутый тонким крестом». В данном случае интересным является указание на традиционный казахский, с эпическим изображением грандиозных процессов, жанр толгау, который заставляет поэта не ассоциировать своё душевное состояние с явлениями внешнего мира, а мотивирует других найти самих себя.

С другой стороны, его идеал высокого олицетворяет резкий протест против сглаженной равнины, выступая символом «расцвета, вершины, выхода из степи в человеческое пространство как предпосылки для братства народов». Сулейменовская основополагающая постановка цели звучит так: «Возвысить степь, не унижая горы» («Разлив», 1964).

В поэме «Земля, поклонись человеку!» в противоположность кочевнической традиции имеет место возвышение женщины:

Родина – женщина,
История – женщина,
Честь, Отвага,
Поэзия – женщина.
Художник свободу рисует – женщиной...

Сулейменов обращается ко всем жителям Земли и художественно воссоздает исторические традиции кочевников и оседлых народов. Поэт испытывает гордость от принадлежности к казахскому народу, которую разбудили, по его признанию, равным образом «Волоколамское шоссе» русского автора Александра Бека и дилогия «Абай» М.О. Ауэзова. В ГДР дилогию «Абай» М. Ауэзова издали в двух книгах. В 1958 году – «Перед рассветом». В 1961 году – «С течением времени» (прим. – Л.К.).

ОТ КРАЯ В ЦЕНТР

Земля – это круг,
перечеркнутый тонким крестом,
(ты – самое спелое яблоко
под зеленым листом),
четыре дуги
в центр глядят с четырех сторон,
тебя сносит к центру,
и ты прерываешь сон.

Что заключено в этой картине? Она воссоздана в главе «Оракул» «Глиняной книги» (1969), парадоксальным образом расположенной после эпилога.

«Самое спелое яблоко» – фраза, нацеленная на хана Ишпаку, одного из тех, кто каждое столетие выходит из «храпящей толпы». Ишпака, предводитель скифских завоевателей Ассирии, проходит через испытание любовью к Шамкат, переживая «чудо» знаний, указывающих путь человечеству от «края» к «центру». От этой любви и погибает. Ситуация, о которой идёт речь, относится к VII веку до н.э. Поэт изображает ее не конкретно, а абстрактно, с философско-исторической точки зрения. Но круг, разделенный на четыре части стрелами, направленными

от дуг к центру, включает в себе символ кочевничества, на котором основывается композиция книги: раскрытые к низу выступы на стрелах означают «ноги» (телесное, земное), из которых Ишпака сконструировал «рога» – это раскрытые кверху выступы на стрелах (дух, стремление к идеалу, к «высокому»).

В борьбе за Шамкат и свою любовь хан Ишпака совершает девять «преступлений» (каждый правящий может совершить восемь «безвозмездных проступков»). Внезапно он взглянул на себя глазами других:

Те мысли, что проснулись в нем однажды,
...камнями в череп били.

Хан Ишпака обращается за советом к духу погребенного под камнем Перса, возлюбленного Шамкат. Он разъясняет хану Ишпака суть его столкновения с более высокоразвитой культурой:

В тебе знание символов скифских,
ты их отвергаешь.
Тебе кажется странным –
мир чуждыми знаками полон,
и ты, покоритель, бессилён их тронуть руками!

Сулейменов в «Глиняной книге» иначе, по сравнению со стихотворением «Чем порадовать сердце?», выхватывает из темноты истории кочевников отдельные лица, делает наброски полифонической картины «звездного» часа. Ишпака достигает зрелости не только в интеллектуальной борьбе с Шамкат и с «духом», но и вступает в конфликт с соплеменниками, с преданным ему Дулатом, девятью верховными скифскими судьями, которые в войне против персов приговаривают его, в конце концов, к смерти. Но зачатки формирования исторического самосознания будут жить в скифских песнях как «больной» вопрос истории.

При всем этом поэма актуальна, она современна в исследовании истории. Сулейменов саркастично заставляет мнимого доктора Ишпака, «спасителя истории нашей», подменить исторические открытия на выдуманные. Поэт вкладывает в уста «низкого и ничтожного существа», «недостойного человека» интерпретации, которые мистифицируют процессы для литературных критиков. Шамкат в финале – в соревновании с «новым тельцом» (упрямым, рассвирепевшим человеком) достается ишпаковской стороне и заколота кинжалом. Не является ли она на самом деле царем Ассархадомом, переодетым в женское платье после нападения скифов?

УЗНАВАЯ СЕБЯ В ДРУГИХ

«Хранители памяти по специальному заказу человечества» – так называет О. Сулейменов писателей. В Казахстане исторический жанр занимает господствующее положение: от трилогии «Хан Кене» И. Есенберлина, которую Сулейменов выделяет в качестве примера для критического столкновения с негативными явлениями собственной истории, до трилогии А. Нурпеисова «Кровь и пот», изданной в ГДР в 1971-1974 гг. (прим. – Л.К.).

А. Марченко в статье «Высокая песнь или исторический детектив?» (1970), убедительно интерпретируя «Глиняную книгу» О. Сулейменова, раскрывает как одно из особых индивидуальных качеств поэта, реакцию на «пробелы в исторической памяти» казахского народа. Разве эта способность не взаимосвязана

со здравым смыслом, чтобы понять, что «и сегодняшний день является частью истории?». Этим вопросом задается она в исследовании «Слово о литературной критике» (1972).

Прототип хана Ишпака, по мнению А. Марченко, можно найти в сулейменовском современном рассказе – единственном рассказе, напечатанном на сегодняшний день (прим. – Л.К.) – «Баюны».

«Бог дал Аргыну большое лицо, чтобы на нем отражались большие чувства» – так пишет автор о леснике, который приютил его после несчастного случая в горах. Он напоминал «каменного балбала», которых много в степи на погребениях. И «его мысли не нуждались в фиксировании их на бумаге. В виде эпоса они доживут еще до времен внуков».

Разве не точно также мы ощущаем поток времени в стихотворениях Сулейменова? И какая удивительная временная связь возникает, к примеру, между стихотворением «Опаздывают поезда...», в котором с горечью говорится о том, что уже не исправить, не изменить того, что упущено («Любимая, на сколько лет опаздывают твои ласки»), и стихотворением «Равновесие» (1978). В нем поэт выражает протест против барьеров времени («Расческой разрежь листы романов будущего века ... Не испугайся тех страниц ... Мы снова встретимся с тобою»).

Некоторая сложность при чтении Сулейменова таит в себе радость познания. Его девиз ярко выражен в эпиграфе к эпилогу поэмы «Глиняная книга»:

Явлений знак узнай –
И будешь властен...

Не только путем серьезного изучения действительности, но и через различные формы поэзии Сулейменов заставляет нас войти в новые географические, исторические, национальные, мировоззренческие просторы и познать наш общий, большой мир, составной частью которого мы являемся. Когда Сулейменов приглашает своих читателей к беседе, то заполняются самые большие залы в Алма-Ате. По мнению А. Марченко, Сулейменов является равноправным и уполномоченным посланцем всей пустынной Азии.

«Андрей!», – обращается О. Сулейменов к Вознесенскому,

Мы с тобою кочевники,
нас разделяют пространства
культур и эпох,
мы бродяжим по разным маршрутам,
как бог и религия.

И завершает все же словами:

Это кажется мне:
Аз и Я – Азия; ошибаюсь:
Мы кочуем навстречу себе,
Узнаваясь в другом.

Перевела с немецкого А.Машакова

*Рафис**Абазов*

СУЛЕЙМЕНОВ И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Чрезвычайно трудно писать о поэте. Еще труднее писать о великом поэте, представляющем другую культуру и другое время. Как определить место О. Сулейменова в литературе Казахстана, евразийском и мировом литературном пространстве? Как передать смысл поэзии Сулейменова и его философии в интеллектуальной сфере Казахстана и Евразии во второй половине 20-го века? Как определить влияние его поэзии, прозы и журналистики на поколение людей, выросших после Второй мировой войны, людей, мечтающих о тех же ценностях, что и американское поколение 1960-х годов, но на другом языке, с другими культурными символами, находящимися в другой интеллектуальной среде? Как можно определить его влияние на политическую атмосферу в стране?

Когда я читаю лекции своим студентам по культуре Центральной Азии, я часто говорю о литературе и великих писателях, поэтах и интеллектуалах, живущих в этой части мира. Я всегда замечал, что для того, чтобы передать богатство культуры и обилие оттенков экзотических литературных выражений, что является чрезвычайно трудной задачей, необходимо, чтобы студенты знали о культуре и литературе изучаемой страны.

Рассказывая своим студентам о Сулейменове, я привожу в пример великого американского писателя и интеллектуала Э. Хемингуэя, т.к. на этом примере мне легче рассказать о личности Олжаке (так называют его друзья и почитатели в Казахстане) и приблизить студентов к его личности.

Между этими двумя людьми есть много схожего. Также как Хемингуэй, Сулейменов является великим писателем, тонко подмечающим детали, любящим жизнь, имеющим свой характерный и совершенно локализованный стиль письма. На протяжении всего творчества Сулейменов в своих произведениях дал описание уникальных культурных и географических особенностей Казахстана: его бесконечные степи, величественные горы и традиционный кочевой образ жизни своего народа. Так же как и Хемингуэй, Сулейменов стал выдающимся и широко признанным общественным деятелем, чья деятельность направлена против истеблишмента. Хотя он никогда не ходил и никогда не призывал идти на баррикады, он стал символом поколения студентов и молодежи, не признающих официальную советскую идеологию. Многие представители этого поколения не принимали

советскую идеологию, предпочитая игру на гитаре, объединяясь в братство свободомыслящих, погружаясь в атмосферу нонконформизма рок-музыки.

Так же, как и Хемингуэй, Сулейменов много путешествовал по миру. Это писатель-интеллектуал и любитель приключений, который побывал во многих странах, где встречался со многими людьми. Он любит учиться и делиться впечатлениями о своих приключениях и наблюдениях о жизни людей в различных частях мира, начиная с казахстанской глубинки и заканчивая мировыми мегаполисами такими как Нью-Йорк и Рим, руинами Вавилона, описывая их так захватывающе, как могут только талантливые писатели и ораторы.

О. Сулейменов принадлежит к поколению, которое родилось и выросло в советское время, и значительная часть их жизнедеятельности пришлась на эпоху социальных экспериментов. Он хорошо знал о недостатках советской системы и, как многие интеллектуалы того времени, был критически настроен по отношению к советской политике и пропаганде. Он много путешествовал по родному Казахстану и всей территории СССР; побывал во многих развитых и развивающихся странах, объединяя культуры и различные политические системы в период холодной войны в целях, как мы сказали бы сегодня, развития глобальной культуры.

Будучи поэтом, журналистом, интеллектуалом и общественным деятелем, он столкнулся с дилеммой, хорошо знакомой многим представителям русской и не русской интеллигенции советской эпохи: как развивать свою собственную позицию по отношению к советской системе и советскому правительству.

Найти ответ оказалось не так-то просто. Сулейменов жил в период после Второй мировой войны и постсталинской эпохи, когда система стала более либеральной в результате «реформ периода оттепели». Казахстан прошел золотую эру экономического роста и социальных изменений, сопоставимых с социальными изменениями, происшедшими в Соединенных Штатах в 1950-х годах. В это время многие социальные отношения и культурные традиции были вытеснены благонадежной современной культурой и пост-индустриальными общественными отношениями, которые в корне изменили семейные ценности, положение человека в обществе, отношение граждан к государству и существующей политической системе. На Западе эти изменения привели к бурным протестам молодежи, движениям против истеблишмента и сегрегации, культуре рок-н-ролла (на примере Вудсток фестиваля) и протестам против войны во Вьетнаме. Сулейменов, так же, как и его современники в Алма-Ате и Москве, был настроен против истеблишмента и питал романтические надежды на изменения, наивно веря в торжество разума и прогресса, будучи уверенным в том, что только древние люди были разочарованы реальностью, пессимистически настроены и не могли радоваться жизни. Эти молодые люди, так называемые шестидесятники (поколение шестидесятых), формировали дух советских реформ, которые хотя и медленно, но все же развивались, подрывая советскую систему, прежде чем превратились в мощную сеть интеллектуалов, которые захватили умы советских людей в годы перестройки 1980-х годов ¹. Сулейменов был активным шестидесятником, страстно проповедовавшим свои идеи в стихах и прозе, включая философские и духовные, техно-социальные и пасторально-номадические темы,

¹ Александр Солженицын был одним из самых известных членов этой группы. Обсуждение мнений и взглядов советской интеллигенции, см.: Зубкова Е. и Реддейл Хью. Россия после войны: надежды, иллюзии и разочарования, 1945-1957. М.Е. Шарп, 1998.

семиотические вопросы и лингвистические исследования, захватившие сердца и умы окружающих его людей.

Сулейменов, так же как и Хемингуэй, всегда верил в гуманистическую науку общества и человека, в его возможность изменить мир вокруг себя. Будучи казахским интеллектуалом и поэтом, он стремился передать внешнему миру свои глубокие знания казахской кочевой культуры.

ЛЮБИМЕЦ ФОРТУНЫ

О. Сулейменов всегда был любимцем фортуны, хотя все его высоты и успехи достигались благодаря усердной работе, размышлениям и вдохновению, которое он черпал на улицах своего родного города Алма-Аты. Он стал легко узнаваем: мятежный интеллектуал с озорными глазами и густыми волосами, готовый за дело бороться кулаками, его слова, противоречивые мысли. Он верит, что быть интеллектуалом «вдумчивым, знающим, имеющим независимое мнение и взгляды»² – его судьба, и он остаётся нонконформистом с двадцатилетнего возраста и до сегодняшних дней.

Молодые годы О. Сулейменова были типичными для многих писателей, поэтов, журналистов советской эпохи, так же, вероятно, как и для его американских коллег. Будучи студентом Казахского государственного университета в Алма-Ате, он усердно учился в будни, а в выходные дни и свободное время по вечерам писал свои ранние стихи, рассказы, эссе. Он прошел мили, посещая редакторов различных газет, бюллетеней и журналов, начиная с периодических молодежных студенческих изданий до «зрелых журналов», серьезных и политкорректных периодических изданий. Он был настойчив, и на каждое «нет» старался написать так, чтобы получить «да». В итоге, колесо фортуны повернулось в его сторону, ряд его рассказов и эссе были опубликованы в Казахстане и были замечены серьезными писателями и редакторами, благодаря его свежему, живому стилю. Его ранние работы указывали на талант и глубокие знания символических значений казахских культурных выражений. Они говорили о кропотливой работе по передаче казахских выражений на русский язык сначала через переводы, а затем, очень скоро, в его собственном творчестве. За свои достижения в литературном творчестве он получил направление на учебу в Литературный институт им. М. Горького в Москве.

На протяжении многих десятилетий советской эпохи учеба в Литературном институте им. М. Горького была заветной мечтой тысяч устремленных молодых поэтов и писателей, он был советским Гарвардом, Кембриджем, Сорбонной, сосредоточенными в одном месте, где только избранная молодежь, талантливые писатели, поэты и журналисты со всего Советского Союза и развивающихся стран осваивали науку письма и стиля. О. Сулейменову очень повезло в том, что в 1959 году ему предложили учиться в этом институте вместе со студентами из Азербайджана, Армении, Литвы и России. Он был зачислен на факультет литературного перевода и продолжал экспериментировать с поэзией. Позже он напишет в своих воспоминаниях, что иногда ему хотелось переписать свои стихи и отдать их машинисткам, чтобы те «перепечатывали их в двадцатый, тридцатый раз», а он бы продолжал шлифовать их под руководством критических редакто-

² Сулейменов О. Собрание сочинений. Том первый. – Алматы: Атамұра, 2004. С. 4.

ров, профессиональных писателей и поэтов³. Летом 1960 года 24-летний Олжас опубликовал свою первую подборку стихотворений в «Литературной газете» – московском эквиваленте «Time's Literary Supplement», «The New York Times' Book Review» или «New Yorker Magazine». Русские поэты Б.Слуцкий (1919-1986) и Л.Мартынов (1905-1980) стали наставниками этого симпатичного, высокого, веселого молодого казаха и сыграли большую роль в признании его в московских литературных кругах, помогли ему подготовить избранные стихи для публикации. Вскоре после этого первый сборник стихов был принят к публикации влиятельным издательством «Советский писатель».

Но какой был характер у этого молодого, мятежного интеллектуала из Алма-Аты! В 1960 году О.Сулейменов был задержан за драку с сокурсниками в Московском общежитии. Он был исключен из института, и издательство решило отменить контракт на издание книги «драчуна».

С рухнувшей жизнью и карьерой поэт вернулся в родную Алма-Ату и зимой 1961 года начал работать репортером центральной газеты республики «Казахстанская правда». Началась жизнь, полная репортажей из колхозов, заводов и милиции, и это все могло на всю жизнь затянуть молодого репортера, однако, колесо фортуны вновь повернулось в сторону поэта, потерпевшего неудачу. 12 апреля 1961 года, впервые в истории человечества, в Советском Союзе планируется отправить человека в открытый космос. Даже космические инженеры не были уверены в успехе этой, весьма рискованной, затее. Поэтому мало кто знал об этом, но среди тех, кто знал, был и О.Сулейменов. Более того, его редактор доверил ему написать поэму, посвященную этому событию. Поэт написал произведение «Земля, поклонись человеку!» на одном дыхании, в течение нескольких бессонных ночей.

И...

Поэма, написанная в сильном, ритмичном стиле, в стиле Маяковского, стала сенсацией. Она стала гимном безграничным возможностям человеческого разума, прогрессу и победе человека над природой.

За одну ночь Сулейменов стал символом целого поколения романтиков, твердо веривших в науку, человеческую изобретательность и прогресс, не желавших засорять свои головы мыслями о политике (что было суровой реальностью советского времени). Внезапно он обнаружил свой скрытый талант – талант публичного выступления и чтения. Его приглашали читать стихотворения перед аудиторией в институтах, школах, книжных магазинах, книжных клубах многих городов Советского Союза. Летом 1961 года О.Сулейменов провел серию публичных выступлений в университетах Парижа и Нью-Йорка, что было очень необычно в разгар холодной войны.

После возвращения он обнаружил, что двери редакций, периодических изданий и издательств, в которые он безуспешно стучался в течение многих лет, широко открыты для его поэзии и эссе. Достаточно быстро миллионными тиражами несколько его поэтических сборников были изданы и разошлись по всему Казахстану, России и другим союзным республикам. Наряду со многими писателями и поэтами 1960-х годов, он стал влиять на целое поколение шестидесятников – советский эквивалент американских бэби-бумеров. В то же время он отказывался присоединиться к истеблишменту и писать политкорректные стихи в советском

³ Сулейменов О. Собрание сочинений. Том первый. – Алматы: Атамұра, 2004. С. 22.

стиле⁴. Даже когда его «попросили» (что в то время было равносильно приказу) написать стихотворение, посвященное 100-летию со дня рождения В.И.Ленина, основателя советского государства, он создал поэму «Глиняная книга» – большой, исторический и философский труд о жрице любви Древнего Вавилона.

Партийные руководители Советского Союза и руководители Союза писателей были потрясены, но они прощали ему неординарное поведение, незнание социалистического реализма в литературе и его свободное мышление до того момента когда он окончательно перешел границу. В 1975 году Сулейменов представил свою новую книгу, на этот раз написанную в прозе – «АЗ и Я» – философское и этно-лингвистическое эссе о роли тюркских народов в культурном и политическом развитии Евразии, начиная с эпохи средневековья. Проблема заключалась в том, что этот относительно короткий очерк опровергал взгляд государства на евроцентрический подход к истории, в которой мало внимания уделялось землякам Сулейменова – кочевникам Великой Евразийской степи и их вкладу в историю Восточной Европы. Он не только бросил вызов основному историческому подходу к интерпретации истории, но также изобразил кочевников Центральной Азии как основных участников в развитии Киевской и Московской Руси.

Вскоре «АЗ и Я» была опубликована и появилась на прилавках книжных магазинов страны. Но очень скоро цензоры обнаружили свою ошибку и немедленно приказали конфисковать все издания. За одну ночь он потерял все свои привилегии по зарубежным поездкам и все права на публикацию, став одним из наиболее известных казахских диссидентов 1970-х годов. Несмотря на конфискацию и запрет, некоторые экземпляры книги все же сохранились и привлекли внимание интеллигенции Советского Союза, особенно в неславянских Центрально-Азиатских республиках. О.Сулейменов был осужден партией как «националистический» писатель, и только личная протекция Первого Секретаря Коммунистической партии Казахстана Д.А. Кунаева спасла его от тюрьмы. Так родились легенда об О. Сулейменове и его репутация в Казахстане как человека, занимающегося «трудными вопросами истории страны».

ЛИТЕРАТОР

Концептуализация вклада О. Сулейменова в казахскую национальную и всеобщую советскую литературу является довольно трудной задачей. Проще говоря, он сделал тройной вклад. Во-первых, он оказал большое влияние на развитие казахской национальной литературной традиции – как в поэзии, так и в прозе, написанных на русском языке. Во-вторых, Сулейменов, как сказал русский поэт Б. Слуцкий, поэт с «[казахской] степью в крови»⁵, использовал в своих произведениях казахские национальные символы и национальные культурные традиции в качестве эмоционально богатых, современных, поэтических выражений. Его работы способствовали широкому распространению современных казахских

⁴ Концепция «социалистического реализма», утвержденная советской властью и основным литературным движением, предусматривала «правдивое, исторически конкретное отражение действительности в ее революционном развитии» и устанавливала строгие правила написания произведений в Советском Союзе. Более подробно см.: Абазов Р. Культура и обычаи Республики Центральной Азии. – Вестпорт и Лондон: Гринвуд Пресс, 2007. – С. 91-96.

⁵ Слуцкий Б. Закон сохранения радости // Феномен Олжаса. Сборник материалов, посвященных творчеству О.Сулейменова / Сост., отв. ред. С. Абдулло. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009. С. 68.

поэтических выражений, которые возникли как пост-традициональные и пост-фольклорные литературные традиции только в начале XX века. В-третьих, он участвовал в контекстуализации западной литературной традиции и универсальных гуманистических ценностей в современной казахской литературе, поэзии и журналистике через свое творчество и активное участие в крупных интеллектуальных дебатах, происходящих в Казахстане.

Появление современных казахских литературных традиций должно рассматриваться в историческом и культурном контексте литературного развития Казахстана. Казахи, как и их соседи, были кочевниками и, таким образом, в течение многих веков они накопили исключительно богатое наследие фольклорно-героического эпоса, лирических песен и музыкальных композиций (кюй – на казахском языке), басен и обрядовых песен⁶. Традиционно, даже самые важные произведения национального фольклора никогда не записывались, а передавались устно из поколения в поколение. Эта устная традиция была особенно важна, так как письменные источники могли исчезнуть во время войны или политических событий и их было крайне трудно сохранить при пасторально-кочевом образе жизни.

Рост современной пост-фольклорной, пост-устной литературы – стихотворения, рассказы, романы и эссе – отражал и культурное взаимодействие с западными, особенно российскими литературными традициями, а также изменения, произошедшие в 19-м и 20-м веках в Центрально-Азиатском обществе. Первые эксперименты по модернизации казахских национальных литературных традиций послужили мостом между классическим казахским фольклором, который традиционно концентрировался на героических темах и выражался в определенных формах и жанрах, а новая вестернизированная литература экспериментировала с европейскими темами, особенно с реалистичными описаниями жизни обычных людей и социальных изменений.

В 1930-х и 1940-х годах, в период формирования современного казахского языка на основе кириллицы и интереса казахской интеллигенции в культурной революции 1920-х и 1930-х годов, казахские писатели начали экспериментировать с прозой и поэзией европейского стиля. По словам влиятельного казахстанского критика Мурата Ауэзова (1943 г.р.), «казахские писатели стремились интернационализировать новый мир культурных ценностей»⁷. В это время появилось много талантливых казахских писателей и поэтов, в том числе один из основателей современной казахской литературной традиции М.О. Ауэзов (1897-1961). Большинство литературных произведений той эпохи было написано и опубликовано на казахском языке. Переводы на другие языки, особенно на русский язык – государственный язык Советского Союза – были задачей целой армии переводчиков. Некоторые переводы были очень хорошими и отражали дух оригиналов произведений. Но, во многих случаях, хотя переводы были сделаны технически правильно, они не передавали нюансы и особенности казахского языка и культуры.

О.Сулейменов, выросший в двуязычной среде в Алма-Ате 1940-х и 1950-х годов, прекрасно понимал трудности, связанные с переводом. Он был хорошо

⁶ Для научного изучения тюркской устной эпической поэзии, см.: Карл Райхль. Тюркский устный эпос: традиции, формы, поэтическая структура (Нью-Йорк и Лондон: Гаранд Паблшинг, 1992), см. также: Жирмунский В. Тюркский героический эпос (Ленинград: Наука, 1974).

⁷ Ауэзов М. Грани творчества // Феномен Олжаса. Сборник материалов, посвященных творчеству Олжаса Сулейменова / Сост., отв. ред. С.Абдулло. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009. С. 19.

подготовлен для решения этих вопросов, так как знал два языка и две культуры. Он стремился внести свой вклад в развитие современной казахской национальной литературы на русском языке и избежать интерпретаций, неправильного перевода. Однажды Сулейменов, объясняя эти трудности, привел следующий пример: по казахской традиции, люди, приветствуя самого дорогого человека в своей жизни, говорят: «О, баурым!» (буквально, «О, моя печень!»), в то время как в западных традициях, в том числе в России, люди обращаются: «Ах, сердечный мой!»⁸ Слово «печень» в этом случае не уместно.

После нескольких экспериментов в области перевода с казахского языка на русский Сулейменов решил, что будет лучше, если он будет писать свои стихотворения. Его энциклопедические знания как казахской, так и русской литературы и способность использовать эти знания в своей поэзии значительно обогатили творчество. Вскоре он стал известен как один из первых и самых талантливых казахстанских поэтов, пишущих на русском языке на таком уровне, что поставил себя в один ряд с известными русскими поэтами послевоенного периода Р. Рождественским (1932-1994), А. Вознесенским (1933-2010) и Е. Евтушенко (1933 г.р.)⁹.

By day the beating heart is dull.
 Peace.
 Quiet.
 Snowdrifts weave their rich tapestries
 upon the branches' loom.
 Snowdust drops softly
 upon our destinies
 like roaring time.
 ... Don't go into the streets today—snows swirling round
 will ply their frozen strands into your hair.
 Why, you've grayed overnight! my snow-sweet love ...
 Don't go, I beg you ...
 Bury your cheek instead in the hot pillow,
 my breath caressing your hair.
 Outside the wind is rising,
 the frost is melting ...
 the frost is melting ...

Он отвергал определение современной казахской литературы как «восточной», «Центрально-Азиатской» и «другой», поддерживая казахских интеллектуалов, способствовавших открытости казахской культуры, литературы и поэзии к влиянию западной и русской интеллектуальной среды. Сулейменов разработал философско-концептуальную идею о том, что казахская национальная поэзия принадлежит как Западу, так и Востоку. В своем выражении универсальных ценностей она является такой же универсальной и всеобъемлющей как русская, английская или французская литературы.

⁸ Сулейменов О. Собрание сочинений. Том первый. – Алматы: Атамур, 2004. С. 20-21.

⁹ Критика литературного наследия Сулейменова см.: Миль Л. «Глиняная книга» О.Сулейменова // Феномен Олжаса. Сборник материалов, посвященных творчеству О.Сулейменова / Сост., отв. ред. С.Абдулло. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009. С. 68.

Мы – кочевники

Андрею Вознесенскому

Here is how I see it:

Makhambet is an arrow stuck in the Chinese wall,
head in the brick,
fringed pants for fletching.

Dread Makhambet,

I envy you not,

no more than a cutout in a hackneyed plot.

Don't try to make out our queer words,
climb out of that thrice-cursed wall:

you've made your hole,

and into the quivers of library stacks—to live an epic in the kingdom of prose,
mending the world with your metaphor, unbending the crook of the question mark.

Andrey! We are nomads, the two of us—the spaces of cultures and eras divide us,

we wander different routes, like god and religion. I would use my learning to test
the great faiths that my poor old devil never suspected.

О.Сулейменов активно выражал свои философские взгляды и культурные позиции в своих стихотворениях, бесчисленных эссе и в многочисленных путешествиях по всем советским республикам, Восточной Европе и развивающимся странам. Он принадлежал к числу казахской интеллигенции послевоенного периода¹⁰, которая впервые привлекла внимание мировой общественности к казахской литературе и культурному наследию, объединяющему литературный мир своего поколения, несмотря на холодную войну и «железный занавес». Многие из его критиков и коллег воспринимали его поэзию и прозу одновременно как казахскую и русскую, или советскую (когда его стихи переводились на различные языки народов, живущих в Советском Союзе). Действительно, Сулейменов описывал универсальные человеческие ценности и эмоции, используя характерные казахские выражения, призывая своих соотечественников взглянуть на себя как на часть современного мира, лежащего далеко за пределами Казахстана и даже – за пределами Советского Союза или России.

СУЛЕЙМЕНОВ КАК ГРАЖДАНИН

Хотя Сулейменова не было слышно в течение многих лет, он не сдался. Только с началом перестройки в середине 1980-х годов Сулейменов был реабилитирован и ему разрешили заниматься общественной деятельностью. Полный энергии и сил, он вернулся и сразу же включился в общественное движение Казахстана, став одним из самых известных и влиятельных общественных деятелей Казахстана и Советского Союза во время перестройки, начатой М. Горбачевым. В то время одной из проблем, сильно волновавших общественность, был ядерный испытательный полигон в Семипалатинской области Казахстана¹¹.

¹⁰ Произведения влиятельного казахского интеллектуала М.О.Ауэзова (1897-1961) были ранее переведены на многие языки, но М.О.Ауэзов принадлежит к другому поколению.

¹¹ Автор хотел выразить свою благодарность профессору Б.Аягану за консультирование по вопро-

Семипалатинский ядерный испытательный полигон был скрытым военным объектом и важным звеном советской ядерной программы. Почти все ядерные испытания (а это около 100 надземных и более 400 подземных взрывов) были проведены на этом полигоне с 1949-го по 1991-й год. По количеству ядерных испытаний на квадратную милю на полигоне было проведено ядерных взрывов больше, чем в любом другом месте нашей планеты. Проблема заключалась в том, что большое число людей – местное гражданское население и военнослужащие – подвергались различному уровню радиации или проживали в зараженных районах. Это произошло по многим причинам, включая небрежное отношение, низкое качество полигона для проведения ядерных испытаний и бункеров, недостаточное финансирование и неосведомленность гражданского населения об опасном уровне радиации в этом районе.

Проблема осложнялась еще и тем, что военные чиновники, которые несли ответственность за работу полигона, не допускали независимых наблюдателей к испытательной площадке. Они утверждали, что ситуация находится под контролем и что угрозы ядерного заражения для местного гражданского населения не существует. Однако неофициальные сообщения из районов вокруг полигона показывали другую картину. Несмотря на цензуру и ограничение информации, данные о необычно высокой онкозаболеваемости среди населения в целом, врожденных дефектах и проблемах со здоровьем у детей стали доступны общественности. Некоторые эксперты также утверждали, что продолжение ядерных испытаний может привести к землетрясениям и повлечь за собой утечку радиации из старых ядерных бункеров и шахт, вызывая опасные ядерные загрязнения больших территорий Казахстана.

Широкие слои общественности Республики Казахстан во главе с О.Сулейменовым требовали большей прозрачности и объявления моратория на ядерные испытания до окончания полного расследования деятельности полигона. Военные опровергали информацию об опасности и настаивали на продолжении ядерных испытаний. Авария зимой 1989 года на Семипалатинском ядерном полигоне привела к высокому уровню радиоактивного загрязнения некоторых областей и заражению гражданского населения. 28 февраля 1989 года Сулейменов организовал большой митинг в Алма-Ате (в то время столица Республики Казахстан), требуя прекращения всех ядерных испытаний на полигоне до завершения полного расследования. В тот же день он объявил о создании Семипалатинского антиядерного движения с целью запрещения всех военных ядерных испытаний во всем мире. Благодаря большим организаторским способностям, он смог сплотить вокруг себя сторонников и организовать крупнейшее антиядерное движение в бывшем Советском Союзе. Фортуна вновь была на его стороне, так как его общественная деятельность, направленная против ядерных испытаний, происходила в эпоху Горбачевской перестройки и гласности. Но еще не было уверенности в том, удастся ли О.Сулейменову защитить свое дело и заставить заморозить ядерный полигон.

Некоторые советские политики и военные чины обвинили его в отсутствии патриотизма. Потребовалось личное мужество, чтобы встать на защиту своей родной земли и своего народа от военно-промышленного комплекса СССР. Су-

лейменов завоевал широкую общественную поддержку в родном Казахстане, в советских республиках и среди сторонников антиядерного движения стран мира. Используя общественную дипломатию, массовые протесты и переговоры с либерально настроенными представителями политической элиты Советского Союза, участникам Семипалатинского антиядерного движения до конца 1989 года удалось наполовину сократить количество ядерных испытаний, проводимых на полигоне.

Сулейменов выступил против ядерных испытаний в родном Казахстане, превратив вопрос местного значения в дело всесоюзного и даже глобального масштаба. В своих письмах, выступлениях, обращениях и массовых митингах он пытался убедить общественность в том, что любая локальная экологическая катастрофа, какой бы она не была, подрывает нашу планету. Она угрожает не только жизни местного населения, но и всего региона и континента. В 1990 году делегация активистов антиядерного движения из штата Невада с целью оказания поддержки посетила Казахстан. Семипалатинское антиядерное движение было переименовано в движение «Невада-Семипалатинск» (ДНС). Они организовали марши, ставшие очень популярными как в Казахстане, так и в Соединенных Штатах, провели серию международных конгрессов и публичных дебатов и дискуссий, которые привлекли внимание ведущих активистов антиядерного движения, экспертов и представителей интеллигенции не только в Казахстане и Центральной Азии, но и во многих республиках Советского Союза и во всем мире.

Таким образом, Сулейменов и его ближайшие соратники привлекли на свою сторону широкие слои общественности и влиятельных политиков. 29 августа 1991 года Указом Президента Республики Казахстан Семипалатинский ядерный полигон был официально закрыт. Помимо этого, несколько лет спустя, Казахстан отказался от всего арсенала унаследованного от Советского Союза ядерного оружия, являющегося пятым по величине в мире.

Для Казахстана значение и влияние О. Сулейменова и движения «Невада-Семипалатинск» выходят далеко за рамки закрытия ядерного полигона. Это первое самостоятельное массовое движение в Казахстане, способствовавшее укреплению и росту национального самосознания. Это движение переросло в мощную организацию, которая привлекала либерально настроенную интеллигенцию разных национальностей и способствовала мирному переходу и формированию либеральной политики Правительства Республики Казахстан по межэтническим и межкультурным отношениям после обретения независимости в 1991 году.

Движение «Невада-Семипалатинск» не завершило свою деятельность после закрытия Семипалатинского ядерного полигона. Оно продолжает свою деятельность в виде глобальных антиядерных движений. В мае 2000 года в Астане был организован III-й Саммит Глобального анти-ядерного альянса. В 2006 году ДНС сыграло важную роль в реализации Декларации о провозглашении Центральной Азии зоной, свободной от ядерного оружия. Декларацию подписали представители пяти республик Центральной Азии – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Кроме того, движение имеет важное значение в борьбе с последствиями ядерных испытаний, так как только в 1990-х годах масштабы экологической и человеческой катастрофы, вызванной ядерными испытаниями, были наконец-

то признаны мировой общественностью. Правительство Республики Казахстан приступило к разработке систематической программы по оказанию помощи тем, кто подвергся воздействию радиации в решении вопросов здравоохранения и связанных с ними социальных и экономических проблем.

Благодаря своим исключительным знаниям национальной, региональной и мировой культуры, Сулейменов был назначен Постоянным Представителем Республики Казахстан при ЮНЕСКО. Он работает в этой должности с 2001 года, занимаясь организацией семинаров, практикумов, конференций и других культурных мероприятий, включая культурные обмены, и проблемами миграции населения, организацией международной конференции «Первое великое переселение людей»¹².

Перевела с английского Г. Анпакова

Abazov Rafis. Suleimenov and His Place in Contemporary Kazakh Literature // Green Desert. The Life and Poetry of Olzhas Suleimenov. – N.Y.: Cognella Publishing, 2011. – P. 9-22.

Ким Ён Хак

МЕЧТЫ И НАДЕЖДЫ ПОЭТОВ БЕСКРАЙНЕЙ СТЕПИ

КОНЕЦ СТАРОЙ И НАЧАЛО НОВОЙ ЭПОХИ

Нет ничего нового под солнцем. В истории человечества нет вещи, способной устоять перед изменениями с тех пор, как в наш мир и космос вмешалось время. История не раз доказывала, что чем крепче выглядит дом, тем легче он разрушается, а вера и ценности, казавшиеся незыблемой истиной, при детальном рассмотрении оказываются слишком хрупким и неясным миражом.

Двадцать пять лет назад легко развалился Советский Союз, который, казалось бы, должен был процветать по крайней мере столько же, сколько существовала Римская Империя. В те годы большинство советских граждан искренне верили, что Союз будет существовать вечно. Если и не вечно, то, по меньшей мере, дольше, чем любые другие системы, существующие на Земле. Однако и на этот раз ветер перемен безжалостно разрушил безграничную веру наивных людей. Распад СССР подразумевал падение всех устоев и ценностей, возведённых по

¹² <http://www.firstgreatmigrations.org/letter.php>

крупницам лидерами этого Союза. Иначе говоря, разрушение господствующей идеологии конкретного исторического периода, служившего гнездом и крышей, ограждавшей людей от дождя и ветра с Запада.

Крах господствующей идеологии привносит в общество хаос, связанный с крушением идеалов. Тем временем в творческой и гуманитарной среде происходит переосмысление ценностей, произрастают ростки культурной революции, а учёные с осторожностью пытаются предсказать туманное будущее. Появляются личности, выражающие подобные настроения и выступающие в роли оракулов. Эти люди – поэты. По-своему воспринимающие эпоху перемен, они чутко реагируют на все веяния и стараются не упустить ничего из огромного объема поступающей информации. В поисках гуманизма в многоликком обществе поэты всегда идут с крестом в первых рядах. Поднимаются раньше других, первыми терпят боль и с песней преодолевают преграды, чтобы внести умиротворение в души тех, кто идёт следом... О них пишет О. Сулейменов:

Я вас понимаю,
я вас не покину.
А тех, кто озяб за горами – долами
в дождях по колено,
в болотах по горло,
согреет надежд моих белое пламя.
Ходите пешком,
но машите крылами,
машите крылами,
вселяйте в нас гордость.

(«Я видел, как лебедь подался на юг...»)

Многонациональный и многоконфессиональный Казахстан. Родившиеся здесь и пустившие корни поэты, двадцать лет назад пережившие крушение огромного общего дома – Советского Союза, всё ещё пребывают в неясной дымке у развилки, проложенной между днём и ночью, выбирая дорогу, обещающую исполнение мечты для них и их собратьев.

Но в отличие от времён СССР, когда у граждан почти не было сомнений относительно будущего, в молодом государстве Казахстан существует некоторая неопределённость для писателей, пишущих на русском языке, не нашедших общей цели, к которой необходимо двигаться сообща. И впредь высока вероятность, что им будет сложно отыскать единый кров, а путь их существенно осложнится. А всё дело в том, что у поэтов, потерявших большой дом, нет общего мнения по поводу обустройства нового.

Сущность поэта – свобода и парение. В этом мире никто не вправе остановить его полёт.

Я, серый клочок тумана, –
твое небо,
что синь тебе, безбрежие постылое?
Когда уйду, скажи, моя пустыня:
«Пустыни там, где облаком он не был.
Где не упала его тень».

(«В горах Памира медленный потоп...»)

Однако в том, что русскоязычные писатели движутся каждый своим путём и

стремятся найти свое пристанище, кроется нечто иное, чем просто неповторимость и природное свободолюбие, так как они живут в многонациональной стране, построенной на руинах старой советской системы. Они родились в историческую эпоху, в которой существовали идеалы и противоречия, и ещё не вполне свободны от этого наследия. Писатели подвластны во многом тому политико-социальному и культурному влиянию, в эпоху которого выросли их родители, совершали ошибки и добродетели, жертвовали собой ради процветания системы. Они несут на себе общественную карму, опутанную родственными отношениями, и чувствуют необходимость её преобразования.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК

Центрально-азиатская страна кочевников – Казахстан, отличается переплетением национальностей, национальных культур и языков. В советский период, когда просторы Средней Азии находились под влиянием мощной советской системы, русский язык и советская литература пользовались повсеместным спросом. Естественно это или противоестественно, сознательно или бессознательно, но языки народов находились на пути к вымиранию. Таким образом, громадная телега, груженная российской и советской литературой, образовала в степях Казахстана глубокую колею, с которой невозможно было свернуть.

Большинство просветителей – выходцев степей, верило, что эта повозка, движущаяся, подобно айсбергу, служит основой новых отношений. И, как ни грустно, нужно было признать, что степные языки постепенно катятся к гибели. Однако, в один из дней чёрный всадник, примчавшись во весь опор, принёс весть о распаде могучей советской страны. Всё замерло вокруг от невообразимого шока. А потом, издав далеко, сквозь густой туман, пришла новая волна.

Время всегда приносит новые тучи, которые орошают иссушенную землю. После падения Союза в Средней Азии родилось многонациональное, суверенное государство Казахстан, в котором литература на казахском языке представлена достойно. С тех пор прошло 25 лет. Казахский язык стал государственным языком суверенной страны. Писатели, в советское время говорившие и мыслившие на одном (русском) языке вне зависимости от цвета кожи и генетической памяти, ищут в независимом Казахстане свой путь становления. Они, порой, ещё блуждают в поисках между памятью (прошлым) и совестью (будущим). Часть писателей уходит в поиски прошлого, погружаясь в океан истории и мифов, другие пытаются отыскать совесть, построить пристанище на суровой земле, третьи – взмахивая крыльями фантазии, выбрали путь в небеса.

В ПОИСКАХ УТЕРЯННЫХ МИФОВ И ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Казах, отправляющийся в путь в поисках памяти; писатели, стоящие на перепутье в связи с обретением Казахстаном независимости... Утраченные традиции и легенды, народный фольклор, услышанный в детстве от мудрых аксакалов, родной язык, на котором всё это рассказывалось... И это ещё не весь список сокровищ, которые следует заново отыскать. Память – это источник и корень существования.

Сказки, сказки.

Три дня моя мама сидела в дверях,
успевая обшить, покормить,
убаюкать сестренку,
я читал по складам
про джигитов на быстрых конях
нараспев, а потом и крича –
голос сказок был звонок.

(«Помнишь первые сказки мои...»)

Казахи, многие годы прожившие в условиях советской идеологии, обращаются к полузабытой истории, ищут дорогу к традиционным ценностям. Узоры, расписанные на родном языке, мифами украшенные остовы юрт, разрисованная традиционным орнаментом одежда и песни, передаваемые из уст в уста.

Но всему этому должно предшествовать другое. В царский и советский периоды Казахстан служил приютом для многих просветителей, не согласных с общественным строем, выступал сырьевым придатком России, полигоном для испытаний ядерного оружия. Казахстану было необходимо обнажить эти раны. Только тогда облитые кровью степи позволят рожденным здесь поэтам обратиться к истории и откроют дорогу к поиску утраченного.

Страна,
ты прошла испытание Казахстаном,
есть сегодня земля,
на которой крестам не расти.
Испытали Тараса.
И Федора испытали.
Петроград, прости.
Ленинград, мою землю прости.
Казахстан – это провода,
проволака колючая,
это было
Саратов и Киев, и снова
Саранск.
Это ссылки
на Маркса,
кочевья, театры и лучшие
копи,
кони и домны.

(«Казахстан»)

Однако, как бы ни старались писатели изобличить ушедший социальный строй и восстановить в памяти культурное наследие, невозможно вернуть современному Казахстану колорит вековой давности. Не только невозможно, но и опасно. Радикальный национализм всегда обращается к своим дальним корням, и это часто приводит к фашизму. А фашизм с легкостью растаптывает все жизненные формы и ценности, чтобы реализовать несуществующие идеи прошлого или будущего.

Современный Казахстан – многонациональное государство с переплетением различных культур, языков. Следовательно, современный дом, который строят нынешние писатели республики, это не совсем то, что строили их предшествен-

ники, и между ними просматривается едва заметное отличие. В современных творческих построениях на фоне исторических традиций заметно влияние советского периода, что в какой-то мере делает творчество более разнообразным. Важную роль играет в этом российская тематика. У писателей, ищущих хорошие темы, никогда не будет пустовать походная сумка. И стараниями местных поэтов творчество крепнет, словно растущий в степи жеребенок. Самым ярким представителем, поэтом, строящим великий дом на основе этих материалов, является Олжас Сулейменов.

Дом – это, в основном, кладовая памяти. Особенно, когда ты возвращаешься в старый, разрушенный дом. В нем полно вещей, напоминающих о прошлом, переполняющих настоящее и перетекающих в будущее. По этой причине память, обращенная в прошлое, иногда облачается в таинственный образ, обретает сознание, которое тяжелой тенью охватывает исследователя и занимает его больше, чем перспективы строительства нового, что помогло бы ныне живущим обрести надежду на лучшие переживания.

Но что значит этот пресловутый дом? По всей видимости, это то место, где на фундаменте многогранного прошлого пересекаются ветры настоящего и безграничного будущего. Говоря другими словами, память общества, хранящая прошлое, объединяет под одной крышей людей, близких по духу, активно творящих и шагающих навстречу будущему. Казахстан ждет своих поэтов, способных переосмыслить прошлое и, как в зеркале, ярко осветить степь отраженными от него лучами.

ПУТИ ДВИЖЕНИЯ ПОЭТОВ ДИАСПОР

В поисках свободы поэт, как правило, мечется между «памятью» и «совестью». Для того чтобы погрузиться в более глубокий мир или достичь более далекой галактики, он завязывает новые родственные отношения с окружающим его миром, прерывает эти отношения, но и в этом процессе неизменно присутствует вопрос «памяти» и «совести».

Если память как результат накопленных отношений связана с прошлым, то совесть – это ступень, ведущая к новым отношениям на основе достигнутых результатов, к будущему. Опыт прежних отношений может возвести будущее до уровня инспираций или стать кандалами, уничтожающими само будущее. Для писателей Средней Азии и Казахстана память о советском периоде является той отправной точкой, воздушным потоком, несущимся к совести. Ветер памяти чувствительно затрагивает совесть писателей диаспор.

В то же время нельзя утверждать, что будущее зависит от прошлого. В отличие от прошлого, в котором свершившиеся события и факты невозможно изменить, будущее является неизведанной, открытой территорией, которую, в зависимости от воли поэта, можно представлять по-разному. Прошлое – всего лишь одно из бесчисленного множества составляющих будущего, ни больше, ни меньше.

Каким образом происходит освобождение совести? Оно заключается в переоценке жизненных ценностей и стереотипов. Это возможно в том случае, когда прошлое проживаешь как будущее, а будущее – как прошлое, т.е. весь жизненный опыт, оставшийся в прошлом, возводится до самой вершины будущего – смертного одра, а минуты смерти проживаются как прошлое. И тогда каждый осознает

предопределенность и неотвратимость загадочного и похожего на лабиринт времени, преодолевает свои феноменологические заблуждения, вытекающие из элементарной ограниченности человеческого разума и отсутствия единства во мнениях. Сможет выстроить конструктивные взаимоотношения с окружающими его людьми, что будет способствовать формированию новых взглядов и способов существования. Одним из тех, кто одновременно ценит и память, и совесть, является поэт Олжас Сулейменов.

Я так и поступал, клянусь, дорога.
 Не всем, кто ждал, помог,
 ведь я не бог.
 Что в силах одинокого поэта?
 На все вопросы не нашел ответа,
 но людям я не лгал,
 хотя и мог..

(«О чем этот поселок?»)

Подобные способы в жизни меняют даже, казалось бы, уже сформированное и неизменное прошлое. Поэты диаспор, независимо от национальности, могут возвести на новый уровень взаимоотношений свою прошлую связь с советской системой, ее положительными и отрицательными составляющими. Потому что, если содержание и масштабы прошлого простираются до определенных границ, то возможно рождение нового прошлого.

Вне всякого сомнения, осознание прошлого у каждого человека заключается в памяти. В то же время мы формируем свою память избирательно, исходя из наших предпочтений и реального жизненного опыта. К тому же, содержание нашей памяти ограничивается специфическими социально-временными ситуациями.

Память, формируемая реальным опытом личности, сталкиваясь с новыми событиями, постоянно подвергается искажению и деформации. Поэтому прошлое, воспринимаемое каждым из нас, как правило, проходит через призму хронологических и психологических предпочтений, являясь несовершенными осколками понятий. Следовательно, прошлое, в лучшем случае, напоминает куклу без головы или наполовину построенный дом.

К счастью, заброшенная и преданная забвению, не прошедшая селекцию память не стирается полностью, а спит в подсознании и, в случае необходимости, активизируется и используется для восполнения несовершенной истории. Она спит в невидимом уголке, как снежная королева, но в какой-то момент, под яркими лучами высокого сознания, просыпается и предстает в совершенно восхитительном виде. И тогда прошлое окрашивается в совершенно другие тона, плывет навстречу настоящему и ведет с ним диалог. А от настоящего устремляется к будущему. Это невидимые глазу скрытые ценности, неосознанно утерянные опоздавшими, задолженность истории, которую следует возместить, хоть и поздно, наполнив радостью.

Для поэтов казахстанских диаспор советский период стал своего рода оборотной стороной, идущей навстречу исправлению несовершенства. Творцы должны отразить в полной мере весь материал, плывущий от прошлого к настоящему, положительный и отрицательный. Поэты диаспор всегда блуждали, словно духи мгновения, и раньше других осознали исторический долг, который им следует заплатить. Они не свободны от моральной ответственности перед своим наро-

дом. Но это сладкое бремя, предназначенное для них лишь потому, что они носят благородное имя – поэт.

Долг платежом красен. И в какой бы ни было форме – он должен быть погашен. Неоплаченный моральный долг рано или поздно сослужит плохую службу, став семенем раздора в обществе и в душе отдельной личности. Но как оплатить этот долг? Где выход из лабиринта? Он заключается в ответственном подходе к решению всех исторических личностных вопросов, ниспадающих на голову человека. Это рациональное построение новых родственных отношений с окружающей действительностью, выступающее предпосылкой для осознания полноценного будущего. Современные поэты диаспор, в сознании которых прошлое соприкасается с настоящим, находятся в водовороте множества старых долгов. Они должны быть готовы к мудрому и рациональному выходу из ситуации. А процесс погашения долгов будет вечным, как улица с односторонним движением, где есть только дорога вперед. Поэты диаспор в этом вечном поиске останутся странниками навсегда.

В стране, где живут потомки кочевников, прибавилось еще множество историй, связанных с переселением малых народов. Находящиеся в вечном поиске поэты диаспор видят свою сущность в безграничном расширении географического и культурного кругозора. Они демонстрируют неповторимость национальной культуры. Преодолевая культурные границы, развивают ее и выступают хранителями национальных традиций. В какой-то момент, когда будет утеряна первоначальная форма и все будет окутано пеленой тумана, именно они своим творчеством повернут историю вспять и расставят все по своим местам.

Из-за того, что им не суждено жить и творить, питаясь от своих корней, они открыты всем ветрам, которые могут перенести их через определенные границы. Духовно обогащаясь, они обогащают духовно и живущих рядом людей. Для них жизнь – это буквально ветер и роса. Они не рассчитывают на награды, вообще живут без надежды, проживают день за днем в поисках маленького счастья.

Поэты всегда, в любой ситуации, находятся в поисках счастья. Даже в самом малом и незначительном они находят что-то глобальное и благородное, подобно космосу, и это приносит им радость. Поэты диаспор, которым так необходимо счастье, находятся в вечном поиске и даже самую малую радость воспринимают глубже, чем те, кто имеют счастье жить на родной земле.

Перевел с корейского К. Югай

